

КРУТИКОВ Д. А.
КНУ им. Ж. Баласагына, Бишкек
KRUTIKOV D. A.
J. Balasagyn KNU, Bishkek
krutikovd@mail.ru

ПРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ Ч. АЙТМАТОВА В РАССКАЗАХ «БАХИАНА» И «УБИТЬ - НЕ УБИТЬ»

Ч. Айтматовдун «Бахиана» жана «Элтуруу - елтурбее» ангемесиндеги
нравалык изденуулер

The moral searches of the Ch. Aitmatov's stories «Bahiana» and «To kill - not to kill»

В статье анализируются рассказы Ч. Айтматова «Бахиана» и «Убить - не убить» в свете нравственно-философских, нравственно-религиозных ценностей и гуманистической концепции личности. Отмечается значимость анализируемых произведений с точки зрения высокой художественности и мощного духовного, гуманно воспитывающего воздействия.

Ключевые слова: категория добра; нравственные искания; авторский идеал; гуманистическая концепция личности, религиозная мораль.

Макалада Ч. Айтматовдун «Бахиана» жана «Олтуруу - елтурбее» аңгемелери нравалык-философиялык, нравалык-диндик баалуулуктар жана инсандын гуманисттик концепциясынын негизинде керсвтулет. Бийик квркемдуулук жана кучтуу рухий, гумандык тарбиялык таасирдуулук коз караштан каралган чыгармалардын маанилуулугу керсвтулген.

Урунттуу свдвр: жакшылыктын категориясы; нравалык изденуулер; автордук идеал; инсандын гумандуу концепциясы; диний мораль.

The article analyzes the Ch. Aitmatov's stories «Bahiana» and «To kill - not to kill» in the light of the moral-philosophical, moral-religious values and humanistic concept of personality. It is noted the importance of the analyzed works from the point of view of high artistry and a powerful spiritual, humane educational influence.

Keywords: moral searches, category of goodness, the author's ideal, the humanistic concept of personality, religious morality.

Нравственные искания Ч. Айтматова в 1980-е и последующие годы, по-нашему мнению, актуализируют в творчестве писателя-гуманиста общечеловеческую категорию добра и ее ценностных проявлений (доброты, любви, совестливости, сострадания, милосердия, отзывчивости и др.), тесно связывая ее с религиозными темами, мотивами идеями, образами.

В этом отношении нравственные искания Ч. Айтматова напоминают толстовские. Исследователи отмечали, что Л. Толстой пришел к осмыслению «"истинного" христианства как гуманистического учения, общечеловеческого по своей нравственной первооснове» [4, с. 4]. Главным залогом плодотворного духовного обновления личности он считал нравственное самосовершенствование на основе непротивления злу насилием, любви к богу (совершенству любви) и любви к ближнему, то есть ко всем людям [См., напр.: 11, с. 64].

В этико-эстетических воззрениях Ч. Айтматова нравственные искания Л. Толстого и Ф. Достоевского занимают важное место [См. об этом подробнее в нашей статье: 7]. В художественном творчестве писателя идея нравствен-

ного совершенствования на основе добра, любви людей к людям выражена, к примеру, в романе «Плаха» через образ Христа, воплощающего идеал добра и любви. Ч. Айтматов, по нашему мнению, не ограничивается конфессиональным пониманием нравственных исканий, он возводит их на общечеловеческий уровень мировой гуманистической мысли.

Обращают на себя внимание два рассказа Ч. Айтматова: «Бахиана» (1988) и «Убить – не убить» (2005), в которых интенция писателя донести до читателя значение великих заповедей любви и ненасилия («Не убий!») выражена, на наш взгляд, в яркой художественной форме.

Рассказ Ч. Айтматова «Бахиана» задумывался писателем как этюд, набросок к созданию крупного эпического полотна. «Бахиана» – это нежное, глубокое, идеалистичное по тональности произведение, в котором обращает на себя внимание концепция личности, ищущей спасения в религии.

На остров, расположенный в Мраморном море и называющийся по-турецки Чешме-Ада (Родниковый остров), прибывает героиня Бахиана. Между государствами идет война, отго-

лоски которой доносятся до монастыря Пречистой Византийской Девы. Несмотря на то, что монахини «живут... на своем острове отдельно от всех и не затронуты воюющими сторонами, однако же не на иной планете. Отсюда и жить труднее изо дня в день. Церкви в смятении на материках – божье слово упало в цене, водовороты войны кружат миром, зато цены на рынках дьявольски растут и привозы скудеют. Воистину прав был Екклезиаст – никто не остров...» [2, т. 7, с. 457].

Многие страждущие посещали остров до Бахианы: «Сколько их было здесь до нее? Сколькие изнасили себя по этим мощным камням? Сколько отчаявшихся, отрекшихся, пошедших наперекор или повинувшись миру в затворении, взывали здесь к Богу, непрестанно твердя: "Услышь меня, Господь!" – и с тем ушедших в Лету?.. И сколько было здесь высказано, выплакано, поведено Суду Его, ибо каждый раз со словами "Услышь меня, Господь!" рассказывалась новая история в нескончаемой цепи человеческих горестей, обид и несогласий, и всякий раз доводилось до сведения Суда Его такое дело, вопиющей которого не могло быть на свете и о котором должен был знать непременно сам Господь. А иначе как же, иначе куда же податься с плачем и жалобой на земные несправедливости? А иначе где же Праведный Суд, а иначе зачем жить на свете?..» [2, т. 7, с. 459–460]. И теперь пришло ее время «отмежеваться от мира для общения с Богом, для затворения во имя этого в монастыре до конца дней своих, до сошествия в Лету...» [2, т. 7, с. 460].

Самым важным в сюжетно-композиционной структуре рассказа является диалог Бахианы с настоятельницей монастыря Митродорой. Это контрапункт, который важен, прежде всего, с точки зрения идейного содержания, – это смысловое ядро произведения, определяющее дальнейший ход событий. Из вопросов преподобной настоятельницы мы узнаем о Бахиане Ма-теновой, болгарке, бывшей учительнице, которой пошел двадцать второй год. Настоятельница задает Бахиане ключевой вопрос: «Что же тебя привело к нам, в обитель сестринства, дитя мое? Призвание ощутила ли к святой жизни, или негде стало голову преклонить, или ожесточение нашло такое, или грехи какие угрызают совесть и потребно вымолить прощение затвором от мирских соблазнов? Ведь всякие причины могут быть тому» [2,

т. 7, с. 462]. Она предупреждает Бахиану: «<...> с нами не знать тебе ни любви, ни разлук, ни материнства. Эти вещи абсолютно исключаются из монашеской жизни, ибо они мешают безраздельной преданности нашей идее Христа. И не всякому дано одолеть себя, возвыситься, лишиться благ мирских и удовольствий телесных. На то мы люди. На то дана нам воля прежде подумать» [2, т. 7, с. 463]. И добавляет, что «высшая добродетель в нашей среде – когда человек принимает обет послушания по чистому убеждению, по наитию божескому» [2, т. 7, с. 464].

Бахиана отвечает, что не может сейчас открыть монахиням глубинные причины своего желания уйти в монастырь. Она прямо, открыто говорит: «<...> я не случайно оказалась здесь – вижу в том исход судьбы своей, – возможно, на роду мне так написано, я буду верной, неотступной послушницей среди вас. Призвание и прибежище хочу найти в Боге и, если смогу, – смысл своего существования во времени и пространстве. Иного дела жизни я теперь не представляю себе. С тем и явилась к вам...» [2, т. 7, с. 465].

Настоятельница впервые сталкивается с подобным случаем: «Обычно жаждущие попасть в монастырь сами первым делом рассказывают всегда со слезами, с излишними подробностями историю своей невыносимой жизни. И это выдвигается ими главным аргументом отречения от мира» [Там же]. Мудрая Митродора понимает, что Бахиана, прежде чем явиться к ним, «решала ведь – быть или не быть» [Там же]. Она жалеет Бахиану и решает поддержать ее.

Митродора произносит монолог, в котором важное место отводится идее духовной свободы человека, восходящей к самому Творцу: «Как рассудят сестры на совете – захотят ли оставить тебя в нашей обители, – у тебя до пострижения будет свобода выбора, испытаешь себя, можешь в любое время покинуть монастырь, если не найдешь смысла в житие новом. Время на испытание у тебя будет, будет у тебя и духовный отец, куратор наш – святой отец Иов, что навещает нас из Константинополя, ему на исповеди можешь открыться, если опять же сочтешь нужным. Тебе лучше знать, когда и что сказать. Никакого принуждения на этот счет – потому как по доброте своей, не знающей границ, Всеблагий оставил нам свободу совести. Нелегкое людское свойство наше возвел Он

к неприкосновенным принципам. Потому хвала и слава Ему во храмах и за стенами храмов за великодушные, простершиеся на все времена вперед» [2, т. 7, с. 466].

Далее Бахиана открывает монахиням, что на их остров должен был попасть некий человек, мужчина. Бахиана пыталась ему помочь добраться до монастыря, но судьбе не суждено было осуществить этот замысел. «У человека было такое желание, а теперь его нет, – отвечает Бахиана. – Вот и все. Я же сама по себе» [2, т. 7, с. 468].

Из дальнейших рассказов Митродоры мы узнаем, что Бахиана не была замужем, «помолвлена была, но слово взяла назад» [Там же]. Ребенка она не ждет, к сожалению, этому не бывать, говорит она монахиням. Близких у нее нет. Никакими заболеваниями Бахиана не страдает. Тогда настоятельница выражает надежду, что монахини примут Бахиану в свое сестринство и принимает решение: «<...> На первых порах будешь носить серую сутану иноковицы. Так положено, а когда доживем до пострижения, до торжества самоотречения нашего во имя Господа, будешь возведена в истинные монахини и облачишься в черное, как мы. Вот тогда и имя твое преобразуем согласно церковным правилам» [2, т. 7, с. 469]. Бахиана просит лишь о том, чтобы имя ее не меняли. Митродоре тоже нравится имя Бахианы. Она высказывает предположение, что родители Бахианы были музыкальными людьми. На что Бахиана отвечает: «Как вам сказать, не то чтобы музыкальными, но оба они любили музыку. Отец был моряком, капитаном торгового судна, погиб при кораблекрушении. И мать вскоре умерла. Самое лучшее воспоминание о них, я еще маленькой была, как мы ездили однажды в Германию. Все время по соборам ходили, слушали орган» [2, т. 7, с. 469–470]. Митродора решает сохранить Бахиане ее имя, пусть Бахиана остается в монастыре, живет, присматривается, монахини будут ей во всем помогать.

Радушные настоятельницы трогают Бахиану: «Уже выйдя от настоятельницы, Бахиана почувствовала вдруг страстное желание вернуться, обнять старую игуменью и громко расплакаться у нее на груди, освободить душу – рассказать все, как было и что произошло, и затем умереть на месте, просто перестать существовать, исчезнуть, как дым, чтобы не знать себя, чтобы быть неуязвимой никаким горестям и страданиям. Как она того хотела!..» [2, т.

7, с. 470].

Из финала произведения явствует, что героиня находится в шоковом состоянии: для нее важнее поделиться своей тайной и перестать существовать. Но если жить, то жить только в монастыре, рядом с верящими в Бога, добрыми людьми. Пока бессознательно девушка хочет найти себя в Боге.

Одним словом, Бахиана уходит в монастырь не как в последнее пристанище, разочаровавшись во всем. Это для нее начало нового, высочайшего этапа в жизни. Она испытывает какое-то невероятное потрясение и подсознательно ищет путей к улучшению своей души, к ее просветлению.

Образ автора просматривается в экспрессивно-эмоциональной лексике, сравнениях, метафорах, несобственно-прямой форме речи, риторических восклицаниях. Мы видим, как автор глубоко сочувствует Бахиане, видит ее душевное смятение и желает, чтобы душа героини обрела мир и спокойствие. При этом для него не важно, останется ли Бахиана в монастыре или вернется в мир. Он просто любит этого человека и желает ему добра.

По нашему мнению, вся тональность рассказа свидетельствует о глубоких переживаниях писателя за свою героиню, что, в частности, зафиксировано автором статьи в процессе читательской рецепции рассказа обучающимися.

Рассказ «Убить – не убить», включенный в роман «Когда падают горы» (2006) в качестве вставной новеллы и эпилога затрагивался в работах таких исследователей, как А. Акматалиев [3], А. Кадырмамбетова [5], Келдибай кызы М. [6], М. Савина [9], Сардарбек кызы Н. [10].

Следует отметить, что в рассказе пацифистская тема, «антивоенная идея» [3, с. 293] тесно связаны с религиозной заповедью ненасилия. А. Акматалиев подчеркивает: «Интересно, что эта центральная идея, связанная с темой войны, убийства, развивается до самого финала. Она практически не связана с "государственно-политическим" фоном, развивается в связи с теми событиями, которые происходят в одном из киргизских айлов, в рамках основной религиозной морали – "не убий!"» [Там же].

Герой рассказа 19-летний Сергей Воронцов, прозванный товарищами иноком и отцом Сергием (угадывается аллюзия на

известную повесть Л. Толстого) за застенчивость, бесхитрость, простоту отправляется на фронт и стоит перед дилеммой: убить – не убить. Его сердце находит отклик на слова матери: «Сепотом жить на свете – одни убийцы останутся на земле? Я понимаю: не убьешь ты – тебя убьют, а убьешь – все равно убийца» [1, с. 260]. Отец, напротив, считает, что убивать по приказу, по долгу – это геройство, солдат есть солдат.

Концептуально значимой является последняя мысль Сергея в финале рассказа: «Быть или не быть убитым – не зависело от твоей воли, никто не хочет быть убитым и никто не знает, быть ли убитым именно ему. Убивать или нет – дело твоей воли, но на войне – неизбежное дело. И, однако же, как прикажешь себе: убить – не убить?..» [1, с. 263]. Используя прием несобственно-прямой речи, писатель обращает риторический вопрос Сергея «убить – не убить?» к совести человеческой, усиливая пафос гуманности произведения.

Писатель остается верен «гуманистической концепции личности» [6, с. 126]. В «Материнском поле» мудрая Толгонай и Мать-Земля отстаивают идею мирной жизни. В рассказе «Убить – не убить» ее отстаивает мать Сергея Воронцова, позиционируя в виде императива, адресующего нас к религиозной заповеди «Не убий!».

А. Акматалиев, нам думается, верно подметил сущность авторской концепции: «На мой взгляд, идея автора заключается в следующем: не все зависит от главного героя Сергея. Его враг, с которым они встречаются лицом к лицу, тоже должен жить по этому же принципу "Не убий!". Только в том случае, если все будут жить по такому закону, прекратятся все войны» [3, с. 318].

Обращает на себя особое внимание еще одна мысль ученого по поводу идейного содержания рассказа «Убить – не убить»: «Ч. Айтматов утверждает, что гуманизм, принцип "не убивай!" должен стать доминирующим и в ожесточенной войне и в личных поступках каждого отдельно взятого человека. Это свидетельство того, что он обладает широтой мировоззрения вселенского масштаба. Ч. Айтматов, как это часто бывало и раньше, вновь в самый нужный момент провозгласил Великий призыв "Не убивай!"» [3, 320].

Еще в 1982 г. в диалоге с Г. Атряном

реженька, только не убивай никого, не проливай крови! <...> Все об этом только и твердят – убей, убей! Враги нам смерть несут, мы – им. А как

«...И слово это – вместо души моей» Ч. Айтматов своими миротворческими идеями подготовил почву для их художественной реализации. Актуальны, на наш взгляд, по сей день слова писателя: «Торжество планетарного мышления в сознании человечества ознаменуется наступлением той эпохи, когда каждый из нас, поднявшись над государственными, общественными, национальными, языковыми различиями, будет видеть в другом прежде всего носителя идей добра, а не агрессии. Тогда и исполнится наша золотая мечта, когда если не мы, то наши потомки скажут: "Я – человек планеты, и все люди на этой планете мои братья и сестры!"» [1, т. 7, с. 142].

Герои Ч. Айтматова, гуманисты, подобные Арсену Саманчину, Сергею Воронцову и его матери, воплощают авторский идеал писателя, который он выразил в следующем высказывании: «<...> Для меня неприемлем герой, строящий свои отношения с миром на почве осознанной жестокости, пусть и во имя доброй цели. Для меня он не может быть выразителем положительной программы. Человек должен жить любовью и страданием, нежностью и болью, соучастием к людям <...>» [1, т. 8, с. 317].

Отсюда главная писательская задача, по Ч. Айтматову: «<...> слышать и откликаться на этот, порой немой зов человеческой души и, разделив ее страдание, познав ее боль, как свою собственную, вернуть человеку надежду и веру в себя. Чувство современности – это, по-моему, дар любви и сострадания, которое изначально и в высшей мере присуще искусству» [1, т. 8, с. 558]. А чтобы «служить народу, служить искусству, служить идеалам гуманизма <...> надо любить человека» [1, т. 8, с. 113].

Возможности сопоставительной методологии позволяют выявить определенные параллели между рассказами «Бахиана» и «Убить – не убить», прежде всего, концептуального характера. Оба произведения, на наш взгляд, отмечены общностью авторского идеала. С одной стороны, он воплощен в образе Бахианы – духовно цельной личности, находящей прочные мировоззренческие основания в

религиозном сознании. С другой стороны – в образе Сергия, олицетворяющего

торжество

миротворческих идей. Также усматривается общность в аспекте напряженных нравственных исканий героев: Бахиана - в поисках себя и своего духовного

иночества, становится на путь служения Богу, то Сергей уже по сути своей инок (и с точек зрения товарищей героя, и с точки зрения автора). Религиозное непонимание уже укоренилось в Сергии, что явствует из текста: для него Бог «не икона, а явление» [1, с. 244].

С точки зрения авторской концепции характеров героев также наблюдаются определенные параллели. Бахиана и Сергей просты, бесхитростны, отзывчивы. Если обратиться к мотивному анализу текста, то можно заметить определенное типологическое родство данных произведений. Мотив «убить – не убить», просьба матери Сергия не убивать прямо отсылают к религиозной заповеди «Не убий!». Мотив «быть или не быть» в Бахиане имеет такое же существенно важное для героини значение, как и мотив «убить – не убить» для Сергия. Обнаруживается общность в поэтике рассказов. Хронотоп связан с событиями мировых войн, используется лексика церковно-славянского происхождения, несобственно-прямая речь и другие средства художественной выразительности, которые

пристанища, а Сергей - в поисках религиозно-нравственного решения дилеммы «убить – не убить». Усматривается близость и в плане концепции личности. Если Бахиана готовится к

Настоятельница Митродора, сестра Иванна, просмонария Феодора проявляют тепло и участие к Бахиане. Она же душевно им благодарна, в особенности доброй Митродоре: Бахиана желает выплакаться у нее на груди, излить свою горе. Сергей застенчив, доверчив, отзывчив, добр, его чистая душа не может смириться с противоестественной для человека необходимостью убийства ближнего.

могут свидетельствовать о контактно-генетическом характере произведений. Думается, что исследования в этом направлении с учетом широкого контекста творчества писателя (особенно в сопоставлении с романом «Плаха») могут оказаться плодотворными. Рассказы «Бахиана» и «Убить – не убить», по нашему мнению, являются вершинами малой прозы Ч. Айтматова с точки зрения нравственных исканий писателя и его героев. Они отмечены высокой художественностью и мощным духовным, гуманно воспитывающим воздействием.

Список цитируемых источников

1. Айтматов Ч. Когда падают горы: (Вечная невеста): Роман, повесть, новелла. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-Классика», 2008. – 480 с.
2. Айтматов Ч. Полн. собр. соч.: В 8 т. – Алматы: БТА Банк, 2008.
3. Акматалиев А. Чингиз Айтматов: Человек и Вселенная. – Бишкек: Илим, 2013. – 576 с.
4. Галаган Г. Л.Н. Толстой: Художественно-этические искания. – Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1981. – 174 с.
5. Кадырмамбетова А. Аңгемеге сыйган роман // Кыргыз Туусу. – 2005. – 8–10-февр.
6. Келдибай кызы М. Чыңгыз Айтматовдун «Тоолор кулаганда» романындагы адам жана коом маселеси // Кыргыз тили жана адабияты: кыргыз эл жазуучусу, залкар инсан Шабданбай Абдыромановдун 80 жылдык мааракесине арналат: Мат-лы науч.-практич. конф. – БГУ, 2011. – С. 71–75.
7. Крутиков Д. Этико-эстетические воззрения Ч. Айтматова (по материалам внехудожественных жанров писателя) // «Айтматов окуулары – 2015»: Эл аралык илимий-практик. Материалдары. – Материалы Международной научно-практической конференции «Айтматовский чтения». – Бишкек: Турар, 2015. – С. 258–265.
8. Озмитель Е. Зрелость национальной литературы: Достижения. Проблемы. Перспективы. – Фрунзе: Адабият, 1990. – 235 с.
9. Савина М. Тема войны в творческом сознании Ч. Айтматова // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – Сер. 1. Гуманитарные науки. – 2008. – Спец. вып. – С. 172–175.
10. Сардарбек кызы Н. Проблемы гуманизма в романе Ч. Айтматова «Когда падают горы» («Вечная невеста») // Материалы Республиканской межвузовской научно-практической

конференции "Щербаковские чтения", посвященной памяти видного ученого-русиста Виталия Степановича Щербакова (22 мая 2009 года).- Вестник КНУ им. Ж. Баласагына: Серия 1 (6). Социальные и гуманитарные науки. – Вып. 4,5 (внепл.). Языкознание. Литературоведение. – Бишкек: КНУ им. Ж. Баласагына, 2009. – С. 204–209.

11. Толстой Л. Полн. собр. соч.: В 90 т. – Т. 82. Письма 1910 (май–ноябрь).–М.: Худож. лит., 1956.–336 с.

***Рецензенты:** Нарозя А. Г. – кандидат филологических наук, Кыргызско-Турецкий университет “Манас”*

***Койчуев Б. Т.** – доктор филологических наук, доцент КРСУ им. Б. Ельцина*